

Александр Лейбович

пути реформы

2025 год

Александр Рифма из Кинешмы Лейбович Путь рифмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72578524

SelfPub; 2025

Аннотация

Это история не о славе. Это история о том, как рифма выживает вопреки всему.

Последняя строчка – еще впереди.

И Рифма из Кинешмы уже пишет её не ради славы — ради правды.

Её строки – не декорации, а двери.

Открываются тихо, но ломают стены.

Каждый куплет – вызов. Каждая пауза – передышка перед новым штурмом.

Она не прячется за метафорами – она ими дышит, превращая боль в пульс, а безнадёгу – в ритм.

Рифма из Кинешмы знает:

финал не пишут победители —

его переписывают те, кто не сдался.

Кто выбрал любовь вместо страха.

Кто взял слово —

как мост через безмолвие,

как последний, но самый важный голос —

который говорит: «Мы ещё здесь. Мы ещё живы. Мы ещё поём».

И она вышла на сцену без приглашения.

Без оркестра. Без софитов.

С одним микрофоном, трещиной в душе —
и целой вселенной в глазах.

Это не конец.

Это – начало, написанное заново.

Рифмой из Кинешмы.

С любовью. С огнём. С последним словом – которое станет первым.

Александр Лейбович

Путь рифмы

Глава 1. Кинешма конец 1990-ых – начало 2000-ых

В тихом, затерянном среди волжских холмов городке Кинешме – где каждый дом хранит историю, каждая улица шепчет воспоминания, а ветер, скользя по набережной, будто перелистывает страницы чужих судеб – жил парень, чья душа не вмещалась в рамки обыденности. Его звали Саша. Саша с огнём в глазах и бурей в груди, где вместо сердца бился неукротимый, почти животный ритм. Ритм, который не давал покоя ни ночью, ни днём. Он стучал в висках, звенел в ушах, вырывался из пальцев, когда те касались бумаги, и превращался в слова – резкие, нежные, горькие, как полынь, или сладкие, как спелая вишня с бабушкиного двора.

С самого детства, когда другие мальчишки гоняли мяч по пыльным дворам или сидели у телевизора, Саша слышал то, чего не слышал никто. В шуме дождя по жестяным крышам – мелодию. В скрипе старых половиц – рифму. В крике чаек над рекой – припев. Слова сами находили его: вставляли перед глазами, как тени, просили быть записанными, требовали быть сказанными вслух. Он не сочинял – он принимал. Как проводник. Как медиум. Как тот, кто не может закрыть

дверь, когда в неё стучится нечто большее, чем он сам.

Это был не просто талант – это был его дар. Дар, который пришёл не с поздравительной открыткой и цветами, а с тревогой, с бессонницами, с чувством вечного несоответствия. Дар, который заставлял его видеть красоту там, где другие видели серость, слышать гармонию там, где царил диссонанс, чувствовать боль мира так остро, будто кожа его была тоньше, чем у остальных. Он писал – и мир вокруг него становился ярче, но и опаснее. И люди замирали, не понимая, откуда в этом художавом парне столько силы. Но сила эта была двуликой.

Потому что дар был и его проклятием. Проклятием одиночества – ведь кто поймёт того, кто говорит на языке, не принадлежащем никому? Проклятием вечного поиска – ведь каждая строчка была лишь попыткой ухватить ускользающее, каждая песня – криком в пустоту, надеясь, что эхо ответит. Проклятием ответственности – ведь если ты слышишь то, что не слышат другие, разве ты можешь молчать? Даже если это больно. Даже если это разрушает тебя изнутри.

И вот он шёл по узким улочкам Кинешмы – городка, где каждый шаг знаком, каждый взгляд – узнаваем, – но внутри него бушевал океан, который не вмещался ни в одну карту, ни в один берег. Саша нес в себе музыку, которая могла бы

потрясти мир. Но пока – она потрясала только его самого. И, может быть, именно в этом и была его судьба: быть тем, кто зажигает свет в темноте, даже если сам при этом сгорает.

Потому что дар – это не награда. Это вызов. А проклятие – это цена, которую приходится платить за то, чтобы быть собой. До конца. Без компромиссов.

Вместе с друзьями – такими же огненными, беспокойными, с гитарами вместо школьных портфелей и мечтами вместо будильников – Саша создал группу. Назвали её просто и дерзко – «White Family». Не потому, что были ангелами. А потому, что верили: чистота намерений, искренность звука и братство – вот что делает музыку настоящей. Их хит – «Шорох каблуков» – не был записан не на студии, не звучал по радио, не набирал лайков. Он жил на улицах, где ребята зачитывали свой трек, а соседи то ругались, то подпевали. Это была песня о том, как уходит любовь – тихо, незаметно, оставляя после себя лишь эхо шагов по пустому коридору. Те, кто слышал её вживую, впервые чувствовали – музыка способна вскрыть душу.

Тогда, в те дни, когда за окном пахло весной, а в карманах – лишь мелочью и билетами на автобус до соседнего района, будущее казалось бесконечным туром. Они видели себя на сценах больших городов, слышали рёв толпы, представляли,

как их имена горят на афишах. Они были юны – и в этом была их сила. Юны, как весенний ветер. Полны дерзких надежд, как небо перед грозой. И верили – абсолютно, безоговорочно – что этот ритм, что бился в их груди, не умолкнет никогда. Что музыка – это не хобби, не увлечение, а сама жизнь, и она не предаст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.